

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Бочарников В.Н., Марков Б.В. — Антропологический код и охота // Философия и культура. – 2023. – № 4. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.4.37691 EDN: DTFGWF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37691

Антропологический код и охота

Бочарников Владимир Николаевич

ORCID: 0000-0002-6574-7864

доктор биологических наук

ведущий научный сотрудник, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН

690068, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Чкалова, 10, кв. 51

✉ vbocharnikov@mail.ru

Марков Борис Васильевич

доктор философских наук

профессор, кафедра философской антропологии, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 9, оф. 205

✉ bmarkov@mail.ru

[Статья из рубрики "Тайны человека"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2023.4.37691

EDN:

DTFGWF

Дата направления статьи в редакцию:

16-03-2022

Дата публикации:

03-04-2023

Аннотация: Предмет исследования – предназначение человека через призму древнейшего занятия – охоты. Роль охоты в развитии культуры человека и конструировании его взаимодействия с пространством слабо прописана современными историками. В философских трудах дискурс «человека охоты» представлен, как форма насилия, агрессии, территориальной экспансии и жестокости по отношению к себе подобным и к природе. Отсутствие адекватной культурологической концептуализации охоты, вынесение её за рамки цивилизационных и культурных факторов обусловлено также новым движением в защиту прав животных, которое вообще блокирует разговоры об охоте. Между тем, вынесение этой темы на общественный форум необходимо как раз

в связи с тем, что на фоне упадка промысловой охоты процветают иные её формы, которые также нуждаются в обсуждении и оценке. Авторы выдвигают тезис о том, что разработка темы охоты позволит глубже понять особенности взаимосвязи человека и территории, его особенности его существования в социо-биологическом пространстве и времени. Следует признать свойством живого противодействие другому живому. Однако не только у людей, но и у животных встречаются примеры альтруизма и заботы о подрастающих поколениях. Поэтому истоки агрессивности и стремления цивилизованных людей использовать такую экстремальную форму отдыха, какой становится современная охота, следует искать в устройстве искусственной окружающей среды, в которой формируется современный человек. Условием решения этой задачи является философский анализ норм и кодов поведения, определяющих кодификацию предельных оснований и драйверов охоты, а также синтез прав человека и прав животных для сохранения биосферной целостности планеты Земля.

Ключевые слова:

охота, философия, идентичность, код, конструкт, ландшафт, право, животное, антропология, пандемия

Проблема .

Сегодня часто цитируют высказывание из «Антигоны»: «Самое ужасное на свете – это человек», забывая про окончание: «если он без места». В эпоху становления больших государств произошла трансформация традиционных территориальных кодов, которая еще больше усилилась в эпоху глобализации. Всё это заставляет современных философов строить своеобразные ретроутопии, в которых «светлое будущее» видится не в свете новых технологий, а в рекультивации традиционных пространств жизни. Современный мир – это все более иллюзорный мир, где все на дистанции, где люди разучились жить вместе даже со своими близкими, где виртуальная реальность искажает понимание происходящих событий. Разумеется, историю невозможно повернуть вспять, люди не смогут отказаться от достижений научно-технического прогресса. Парадокс в том, что в эпоху глобализации люди испытывают тоску по месту, где они чувствуют себя как дома. В этой связи возникает вопрос о соотношении сетевых коммуникативных технологий и традиционных практик единства на основе исторической памяти об освоении территории проживания.

Территория – это не только ландшафт, климат, биосфера, но и естественная окружающая среда человека, который её осваивает, а в эпоху оседлости культивирует и благоустраивает. Поэтому разметка биосферы Земли произошла задолго до появления крупных государств и высоких культур. Когда говорят о натуральной целостности и **корнях** национального сознания, прежде всего, указывают на роль территории и ландшафтов. Это очень важное добавление, свидетельствующее о влиянии окружающей среды на человеческие качества. Границы в основном прокладывались горами и реками, как таковые позволяли, или ограничивались барьерами труднопроходимых или непригодных для жизни участками земли. Среди различных форм практик формирования и накопления человеческого **ого** способностей, способствующих приспособления к природе, важное место занимала охота, которая сегодня осуждается защитниками прав животных. Непосредственная связь охоты и освоения территории широко известна: она состоит в том, что все животные территориальны, как следствие этого эффективно действуют коммуникативные механизмы, хищные животные метят границы своих участников, и они

обычно не нарушаются другими особями.

Это не предмет власти, здесь определяет порядок биологическая структура, экосистема: в пределах определенной территории смогут обитать, и, следовательно, прокормиться, вполне число животных. Освоение территории зависело и от того, насколько далеко продвигались охотники за мигрирующими животными, как и от обилия отдельных видов и популяций объектов добычи древних охотников, используемых в пищу, для изготовления одежды, предметов домашней утвари и хозяйства. Иная ситуация складывалась с антропогеографических позиций. Земля, как выражались русские традиционалисты – это не «трудовое, а дармовое». Её освоение было общим делом традиционного общества, её нельзя присваивать и продавать. В этом смысле первоначальное расселение людей происходило не по имперским сценариям, а естественным путем. Однако природно-географические константы действуют всегда в связи с их интерпретациями, поэтому в эпоху государств возникают нормативно-правовые основания, четко регламентирующие, в том числе, практики охоты. А стоит еще вспомнить, что для крестьянина всегда были и остаются четкими убеждения, кто враг в природе, а кто нет для сельского его хозяйства. Привычным занятием его является также и охота, обеспечивающая нередко весомый "приварок" в семью.

Следует различать – «веяния эпохи»: ныне эмоциональная связь человека-охотника с местом добычи пропитания в эпоху глобализации не является столь же прочной, как в традиционном обществе, однако зов «малой родины», как архетип всё ещё живет в сознании наших современников. Поскольку сегодня катастрофически уменьшается число видов живого, и охота перестала быть основным средством пропитания, постольку охота как способ самоутверждения в форме демонстрации трофея, несомненно, должна быть ограничена, и в этой связи во всех странах мира приняты официальные правила охоты. Возникает вопрос, как сохранить и передать умения и навыки, которые формировались практиками охоты? Наконец, как могут быть реализованы «инстинкты» и желания, доставшиеся нам в наследство от предков-охотников. В какой форме должна происходить разрядка накопившейся энергии?

На первый взгляд, по аргументам зоозащитников, специализированные телеканалы об охране и рыбалке и компьютерные игры, посвященные им посвященные, гуманнее возмущающих неохотника жестоких зрелищ, напоминающих об арене Колизея и гладиаторах. С другой стороны, очевидно, что навыки защиты человека и человеческого, необходимы для осуществления многих «цивильных» занятий от поисковой деятельности, до борьбы с опасными микроорганизмами, которую наши медики и биологи сегодня ведут не на жизнь, а на смерть. Это – реальность, а вот, к сожалению, моральные и антропологические риски перевода охоты в цифровой формат еще недостаточно изучены. Не будет ли правильным вместо того, чтобы запрещать охоту во всех её видах и объявлять охотников инкарнацией мирового зла, разумнее искать для видов охоты такие замены, которые сохраняют человеческие качества, сформировавшиеся благодаря охотничьей деятельности. И нельзя назвать предложенное легкой задачей, достаточно привести пример с так называемыми «гуманными капканами».

На рубеже столетий, под давлением Европейского сообщества и Канады в нашей стране были запрещены столетиями использующиеся в охотничьем промысле ногозахватные капканы. Пушника как источник всегда дефицитной в стране валюты, и которая в течении как минимум четырех веков обеспечивала Русь, за два десятилетия стала никому не нужна. Фактически оказались заброшенными, обезлюдил гигантские просторы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Сама охота как средство выживания

коренных малочисленных народов перестала существовать. И это далеко не все, что касается практических аспектов охоты. Несомненно важна ее роль в воспитании человеческих качеств, и проблемность как оставаясь гуманным и отзывчивым человеком в социуме, уметь защищать себя, близких, свою Родину. Но и с другой стороны, уничтожение животных высокотехнологичным оружием, к тому же не для пропитания, а исключительно для самоутверждения, выглядит отвратительным действием для большинства членов современного общества. А как быть с компьютерными вирусами, «фейками», информационными террористами, что, как не охота лежит в основе информационного иммунитета? Важно делать чище и лучше каждого себя, в чем убеждают человека нормы морали и каноны религий.

Следует изучать охоту во всех видах, и не только путем моделирования и в виртуальной среде, можно создавать увлекательные игры, развивающие ловкость и смекалку детей, компенсирующие еще сохранившиеся у некоторых людей охотничьи инстинкты. Основная проблема состоит не в этом, а в том, чем, как и насколько укоренена та потребность или потребности, которые делают людей охотниками? Что и как в человеке предопределяет данный процесс, возможно ли найти то звено антропологического кода, которое отвечает за охоту? Что будет разумнее – искать «третий путь», соединяющий традиционные ценности с высокими технологиями современности или увести охоту в тень, и потерять еще один из легальных способов канализации человеческой агрессии и насилия? А быть может нужны выходы многих в "натуральные охоты", и не придется при этом забывать о биологической природе человека, понимать больше о дремлющих, но легко вспыхивающих аффектах, которые мы больше склонны приписывать диким зверям, но не себе. Необходимо не только «сублимировать» агрессию для борьбы с разного рода маньяками, а также опасными микроорганизмами, вызывающими эпидемии. Яды, химия, радиация, все идет в ход в борьбе с инвазиями и инфекциями.

Культура и природа.

Когнитивный подход не ограничивается изучением критериев проверяемости научного знания, Нейронауки открыли влияние мозговых процессов на работу сознания. Когнитивная антропология параллельно описывает нормы и коды культуры, которые, помимо того, что регулируют поведение людей в обществе, выполняют функцию установок в творческих процессах. Обращение к понятию "код", его уточнение или, напротив, использование в качестве метафоры, позволяет, вместо дихотомии природного и культурного, "расшифровать" множество переходных модальностей человеческой жизнедеятельности. Коды и нормы обменов первобытного сообщества и природы имели сакральный и мистический смысл. Установки, нормативы, традиции, обычаи, ритуалы относятся к духовной культуре.

Тезис о «смерти человека», воспринимавшийся как некий провоцирующий перформанс, сегодня становится пропозицией, сообщающей о радикальном изменении человека. Современные цифровые медиа окончательно разорвали связь человека с естественным миром. Окружающая среда стала виртуальной. Между тем, несмотря на комфорт и жизнь в городах, человек по-прежнему остается живым организмом. Он может укрываться от дождя и холода в четырех стенах своего уютного жилища, но все еще вынужден дышать воздухом, питаться, выходить на улицу и общаться. Концепт "культура" имеет различные значения. В сакральном смысле культура – это культ, почитание, поклонение. Существуют внутренние, глубинные основы культуры, которые нельзя перевести на обыденный язык. Результаты социальной деятельности составляют материальную культуру. Семиозис традиционного общества достаточно полно представлен в антропологии, этнологии, этнографии, культурной географии и этнической экологии, но

остаётся неосмысленным в аспекте взаимодействия человека и природы.

Что и как сохраняется у человека от живого при создании искусственной оболочки обитания? Жилище, селение, город по-прежнему строится из природных материалов, вписывается в безопасный для жизнедеятельности ландшафт, соответствует климату, биологическим, географическим и иным параметрам. Конечно, это не было «космосом» – идеальным безотходным контейнером, описанным в «Тимее» Платона, тем не менее, гармонично соединяло экзистенциальное место, биосферу и хозяйство. «Горизонтальные», функциональные связи социального пространства дополнялись и подкреплялись «вертикальными» связями с трансцендентными сущностями. Они воплощались в ритуалах, а также в традициях, верованиях и иных архетипах сознания. Эти процедуры предопределяли естественные способы вовлеченности человека в рутинные и столь необходимые энерго-обменные процессы взаимодействия с природой. Кроме сакрального смысла важными были и материальные стимулы, в частности практики собирательства и охоты.

Если до недавнего времени абсолютно верной казалась мысль о «вписанности» человека в биосферу Земли, то сегодня микромир (вирусы, микробы, паразиты) как будто нарушили существовавшее миллионы лет соглашение о мирном сожительстве с человеком. Простейшее одерживает победу на всех фронтах. Вирус, не будучи даже бактерией, становится реальной угрозой сложноорганизованному живому, а меры управления обществом на основе запрета и насилия отбрасывают накопленный и воплощенный – в институтах, регламентах и процедурах – социальный опыт борьбы с эпидемиями. Есть все основания допустить, что виновником пандемии являются не только вирусы, но и люди, иммунная система которых нарушена антропогенными последствиями новых технологий освоения мира. Поэтому в ответ на ограничения и запреты, на попытки посадить людей на самоизоляцию возникают стихийные формы протеста, многие из которых оказываются еще более бессмысленными и разрушительными, чем формальное администрирование.

Что тут можно показать и утвердить? Домашним животным является, прежде всего, сам человек. Он рождается слишком рано и беспрецедентно долгое время нуждается в защите от воздействия естественной окружающей среды. Сначала материнское тело и жилище, затем орудия труда и другие инструменты опосредуют его обмены с природой. Эти традиционные медиумы были респонсивными, в том смысле, что «на входе» они были связаны с внешним миром, а «на выходе» приспособлены к телу индивида. Генетика в этом объясняет немногое, и возникает вопрос о надбиологической программе – антропологическом коде. И наш ответ на это невидимое, но глубоко и обязательно существующее в нас обретает как исключительную ценность в общении человека с природой в тех натуральных формах, многие из которых связаны с непосредственным пребыванием живых существ не в изолированных социальных контейнерах, а на воле.

Русский философ Николай Бердяев писал, что человек и космос связаны общей судьбой. Мир структурируется и поддерживается человечеством, он каждый раз меняется всем новым, производимым человеком, будь то поэма, картина или научная теория. Поскольку человек неотделим от мира, он несет ответственность за сохранение природы, за то, что в ней совершается [1, с. 306]. Антропологический код – обобщенное понятие, в его структуре, невидимой и до сих пор не осознаваемой целостности, расщеплены такие понятия как «цивилизационный», «культурный», «социальный», «религиозный», «личностный», «этнический» и иные обозначения соответствующей кодировки, конструирования и эволюции человека и человеческого. В стандартной эволюционной

теории происхождения человека не мало «слепых пятен». При этом фактов много, не хватает оригинальных концепций антропогенеза, где важна не смена видов и подвидов живого, а культуригенез – чередование формаций, объяснение формирования этносов, и зарождения высоких культур.

Образ окружающей природы формировал душу человека. Договор с пространством был и остается формой передачи космического порядка человеческому. Классическая культурология выводит человека на более высокий уровень обобществления, но не объясняет мотивов принятия требований пространства. Родовую функцию человека можно обозначить как охрану Матери-Земли. Эта коллективная миссия должна исполняться каждым человеком, который будучи, конкретной биологической особью, является культурной, социальной личностью, обладающей свободой выбора не только в социальном, но и в мировоззренческом плане. Суть «космического» назначения состоит в том, что на конкретном участке территории своего обитания, каждый этнос, каждый народ обеспечивает гармоничное поддержание биосферы. Общая вера в истину убеждала, что каждый из живущих выполняет свою задачу в существующем мире. Но верным предстает и обратное: пространство, территория, жизненная среда является матрицей развития любого индивидуального или социального организма. Поэтому у каждого народа всегда есть эталонное географическое место, и этот этнокод определяет, какими способами мы можем эффективно взаимодействовать с природой как основой нашего существования.

Глубинный психокультурный механизм идентификации, благодаря которому индивид обретает свою человеческую сущность, расположен на границе природного и культурного. Несмотря на примитивные технологии освоения природы, уже первобытная община представляла собой такой экологически безупречный замкнутый контейнер, в котором не было свалок. Мифопоэтическая репрезентация мира в традиционных культурах, в которой боги, люди и животные представлялись равноправными участниками коммуникации, уступила место трансцендентным религиям, где бог мыслился как творец всего сущего. Но и в этом случае он понимался не как злой Демург, а как разумный устроитель порядка природы, вершиной которой мыслился человек. По мере становления высоко технологичной цивилизации место божественного суверена заняли его земные представители, начавшие перекраивать пространство земли в своих интересах.

Умения, посредством которых человек традиционного общества приспосабливался к миру, чаще всего специально не рефлексировались, а передаются из рук в руки от старшего поколения младшему. Даже в глубокой древности воспитание не сводилось к передаче хозяйственных, охотничьих и военных навыков, а включало приобщение к духам природы. Наши предки верили, что не только у человека, но и у других существ и объектов, есть души. Общение с ними опосредовала система мифов и ритуалов, обеспечивающая как защитные, так и коммуникативные функции обменов общества и природы. Охота даже в исполнении мало чувствующего сейчас природу горожанина обостряет чувство пространства, и само время замедляет свой бег. Неслучайно у охотников бытует поговорка о том, что Всевышний не учитывает, не засчитывает время, проведенное на охоте, в прожитую жизнь. Язык мифа являлся активным репрезентантом культуры, поэтому мифологическую картину мира можно рассматривать в качестве своеобразной семантической надстройки социума. Но не существует человека без мира, пространство которого осваивалось с доисторических времен, но потерялось по мере роста "цивилизованности". Культура – это специфический искусственный мир, который человек создает, чтобы поддерживать себя в "человеческом" состоянии, и охота не

является каким-либо исключением из этого.

Номос земли

Ойкумена, освоенная современным человеком – это индустриально трансформированная территория со своими законами, и хорошо известно, что они не идеальны. Сегодня, казалось бы, в космическую эру, гармония с космосом не является доминантой миропонимания. Пандемия Ковида, вопреки ожиданиям романтических экзистенциалистов не только не образумила людей, а наоборот привела к формированию еще более «прекрасного нового мира», чем тот, что был раньше. Но вот сейчас разум либертианского человека во время эпидемии вынужден принять то, что он отрицает. Ковид обнажил концептуальный вопрос, кто является настоящим «хозяином» на планете. Стало очевидно, что каждый человек – это микроэкосистема со своим набором жителей и их взаимосвязями. Чаще всего, они как-то приспосабливаются друг к другу. Баланс нарушается, когда по причине внешних катастроф вредоносные вирусы активно размножаются, попадают внутрь организма, иммунная система которого под влиянием внешних обстоятельств, либо ослаблена, либо вообще отсутствует потому, что прежде люди не встречались с подобным вирусом.

С тех пор как Левенгуком был изобретен микроскоп, медикам и биологам открылась внутренняя вселенная, устройство которой оказалось весьма непростым, но по-своему упорядоченным. Нельзя забывать о том, что микробы, вирусы, бактерии, паразиты составляют внутреннюю экосистему каждого из нас, и все биологические свойства сосуществования. Проблема возникает при масштабном нарушении внутреннего экологического баланса. Появились первые теории, опираясь на которые можно было лечить, а главное, предупреждать эпидемические заболевания. Паразитизм, комменсализм, хищничество, антибиоз и др. – неотъемлемая часть функционирования здорового человеческого организма. Но ныне угроза заражения ведет к резкому ограничению территории свободного действия. Прежние места работы и развлечения свелись к локусам изолированного существования, которые стремительно сокращаются в своих объемах. Со всей очевидностью обнажается ситуация, свидетельствующая о том, что есть реальность вне разума, более того, принципиально неразумная реальность.

Последствием эпидемии является изменение всех существующих до ее появления границ природного и культурного, социального и личного, внешнего и внутреннего, эффективного и неэффективного, дозволенного и недозволенного. И это становится сущностным вызовом всей нашей культуре, пронизанной и фундированной рациональностью. При этом сложное заменяется и подменяется простым. С помощью цифровых технологий конструируется новый искусственный окружающий мир, в котором необходимые в естественных условиях жизни умения и навыки уже не находят применения. Вопреки ожиданиям глобалистов, пандемия не сплотила, а очень существенно разобщила страны и континенты, народы и расы, власть имущих и обычных людей.

Порядок человеческого освоения территории – земли, воды, неба, пищи, растений и животных – зафиксирован уже в первых мифах. По мере развития производительных сил складываются новые договоренности с пространством. По утверждению историка права К. Шмитта, номос земли сложился в эпоху государств [\[2\]](#). Действительно, строительство Рима и многих других древних столиц начиналось с прокладывания борозды, т.е. границы будущего города. По мнению Ж. Делеза, «детерриториализация», т.е. систематический захват, а потом продажа и купля земли – это результат капитализма [\[3\]](#). Ценность участков определяется не биологическими ресурсами, а сырьем, которое

можно использовать в индустриальной экономике. При этом разрушается как природно-экологическая, так и экзистенциальная связь земли и человека. Хайдеггер называл это бездомностью [4].

Древний человек жил в мире, населенном многими враждебными человеку существами, но при этом его способность к управлению пространством была удивительной. Л. Леви-Брюль, рассуждая о так называемом «первобытном мышлении», писал: «реальность, среди которой живут и действуют первобытные люди, сама является мистической. Ни одно существо, ни один предмет, ни одно явление природы не являются в коллективных представлениях первобытных людей тем, чем они кажутся нам» [5]. Экономические и финансовые интересы обострили глобальные проблемы, следом вспыхивает агрессивная политика и, как следствие, война. На фоне новых переделов мирового пространства гуманисты призывают к соблюдению общечеловеческих ценностей. Но глобализация наталкивается на стремление сохранить в конкуренции с «другими» персональную и национальную идентичность, спасти свою локальную культуру от плавильного котла, где варится «общечеловеческое». Поэтому многие как будто бы надежно согласованные договоренности о создании общечеловеческого дома, рассыпаются как карточные домики.

Научные теории, даже подтвержденные фактами и опирающиеся на достоверные принципы, не являются абсолютными истинами. Дело не только в недостатке фактов. Поскольку они созданы человеком, приняты сообществом ученых и реализуются на основе существующих технологий, постольку нагружены предпосылками, образующими слой фонового знания, в контексте которого наблюдаются факты и выдвигаются гипотезы [6]. В массиве «неявного знания» главную роль чаще всего играют не экстраординарные теории (они, в силу своей необычности, как раз на виду), а мировоззренческие принципы, нормы и ценности культуры. Как правило, они не подлежат рефлексии, а, подобно верованиям, воспринимаются как очевидные. Разволшебствование мира привело к утрате "вертикальных инстанций", регулирующих поведение людей в "горизонтальных пространствах" домостроительства. Возникает методологический вопрос, как сложился симбиоз внешнего и внутреннего, организма и среды, сосуществования внутренних и внешних экосистем?

При осмыслении кризиса современной культуры, протекающей в капсулах экономического времени, консервативно настроенные философы и социологи предлагают вернуться к посланиям предков. К сожалению, «сердитая молодежь» отвергает моральные поучения родителей, хотя более снисходительна к наставлениям дедов, но редко обращается к родовым архетипам общения с природой. Да и как можно оживить в памяти людей миропонимание древнего человека? Очевидно, что музеев, хранящих останки вымерших животных и орудий труда неандертальцев, для этого недостаточно. Необходимо сущностно погрузиться в мифологию древних людей, реконструированную антропологами и культурологами. Происходит стремительное упрощение и опрощение многого из того, что до эпидемии понималось чем-то, нечто собой разумеющимся. И на фоне борьбы с внутренним врагом – возникает враг внешний – ОХОТНИК!

Охота и права животных .

Охота является одним из древних, но до сих пор не понятым, хуже того, неприемлемым по сегодняшним меркам, занятием. Согласно мнению авторитетных психологов, философов и ученых, сознание возникло и сформировалось, как "инструмент ориентации

индивида в пространстве социума." [7]. Но даже сегодня, наблюдая за воспитанием детей, нетрудно заметить, что кроме усвоения моральных наставлений, дети учатся, например, ходить на двух ногах, что не менее трудно, чем написать статью по философии. Сегодня наиболее активно защищаются права животных. Охотники, а вслед за ними потребители мяса и носители мехов, воспринимаются как империалисты и даже фашисты. Эти субъекты подвергаются такому общественному осуждению, что им не остается другого выхода, кроме как стать вегетарианцами. В когнитивной науке кроме мышления признается роль телесных навыков, развитие которых способствует формированию творческих способностей. Охота – это, прежде всего, форма обмена человека и природы.

В охоте, конечно, не в той, что происходит в специальных делянках на прирученных к подкормке животных, всегда отражена матрица пространственного взаимодействия человека с природой. Это не только навигация пути или поиск цели, это чувство невыразимое в полной мере включенности в природу, где каждый твой шаг, что-то обозначает. Можно более или менее уверенно утверждать, что причиной появления сознания человека было предопределено охотой на дичь, как особым бонусом за соблюдения договора с Пространством. Какова степень врожденной агрессивности, не является ли она источником права, морали и культуры, которые были изобретены как своеобразные иммунные системы против самоуничтожения человечества? Чисто биологические объяснения не годятся для поведения человека, даже на доцивилизационном уровне развития. Приходится принимать во внимание культурные условия.

Ф. Ницше, следуя логике английского натуралиста Ч. Дарвина, утверждал, что человек, который произошел от обезьяны, ныне уступает место сверхчеловеку, у которого биологический инстинкт не атрофируется моралью, а наоборот становится в форме «воли к власти» мотором развития жизнеспособной культуры. Если либеральные мыслители исходят из того, что человек по природе добр, т.е. является альтруистом, то консерваторы обращают внимание на его эгоизм. На самом деле «природа человека» – понятие многозначное. Оно используется для характеристики как биологических, так и социально-культурных параметров людей. Поэтому формы насилия во многом определяются и экономикой, и ментальностью людей. Например, в рамках цивилизованных обществ наблюдаются такие формы насилия, которые своей brutality превосходят прошлые. О трансформации форм зла можно судить по дискуссиям медиков, юристов, политиков, священников, а также специалистов по этике и конфликтологии.

Некоторые считают, что у человека есть особый ген агрессии. Его формирование К. Лоренц [8] связывал с тем, что эволюция для выживания слабых животных компенсировала этот недостаток усиленной агрессивностью. В вопросе о существовании генов альтруизма и агрессии молекулярные биологи и генетики занимают более осторожную позицию. Геном человека в целом определяет **только физическую** природу человека, который должен иметь встроенный механизм защиты от внешнего нападения, но не дает ответа на большинство вопросов, задаваемых моралью, культурой, этикой. Нельзя отметить такой эволюции человечества: отмена смертной казни, борьба с ядерной угрозой, победа над массовыми инфекционными болезнями, помощь бедным и другие важные достижения доказывают наличие не только технического, но и нравственного прогресса. Человечество становится гуманнее, и по отношению к нему уже немыслимы убийства, войны, геноцид, болезни, бедность. Любые формы жестокости осуждаются, во всех сферах жизни от школы до казармы можно наблюдать борьбу за

ненасильственные отношения между теми, кто приказывает и подчиняется.

Между тем, ещё в ходе дискуссии Л. Н. Толстого и И.А. Ильина о том, можно ли защищать добро силою, выяснилось, что, чистая справедливость бессильна, а сила – несправедлива. Толстой осуждал политиков, чиновников, ученых за то, что они не уменьшают страдания людей. Однако, например, право соединяет силу и справедливость, а деньги – труд и богатство. Конечно, можно видеть в праве господство сильного, устанавливающего закон в своих интересах, а в деньгах – новую, более изощренную, чем рабство, форму власти. Но можно посмотреть на это как на достижение цивилизации. Например, даже наемный рабочий – это все-таки не раб. А использование денег – это не грабеж. Н. М. Гиренко связывал насилие с необходимостью сохранения общества и с антропологической точки зрения исследовал ситуации, когда оно возникает. "Насилие предстает как один из способов разрешения уже возникшего и ставшего явным конфликта, в котором оба участника конфликта по отношению к разрушившейся, разлагающейся социальной и культурной среде выступают в качестве жертвы обстоятельств [\[9, с.103\]](#)".

Говоря об искоренении насилия, необходимо дистанцироваться от морали. Ее абсолютизация приводит к деградации институтов общества. Сегодня защитники прав животных, выступают с шумными акциями против причинения страдания животным. Но, произнося морально-обличительные речи, или принимая участие в акциях протеста, они закрывают глаза на корни происходящего, и тем самым, не контролируют зло, которое обличают. Как быть, если в современном обществе по-прежнему существуют «негуманные» занятия, к которым сегодня относят и охоту. Например, что делать с бродячими собаками или дикими животными, которые приходят на городские свалки? Как поступать в случае нападения бездомных стай собак на людей, и уже не только на детей, но и на взрослых. Охотники и охотоведы знают, насколько пагубными оказываются в весеннем лесу стаи бродячих собак: ум и хитрость бывших спутников людей делает их в стократ опасней любого волка или медведя. Лишь на первый взгляд, животные и растения выступают пассивными объектами потребления, жертвами насилия со стороны человека. На самом деле, если они не могут дать отпор вооруженному до зубов человеку, то самим своим исчезновением создают угрозу его выживанию. Необходимо обсуждение с участием широкой общественности разного рода нормативных документов, которыми должны руководствоваться люди, как содержащие домашних животных, так и те, кто по своей профессиональной деятельности обеспечивают безопасность остальных граждан.

Именно это обстоятельство должно стать стержнем энвайроментализма. Ведь, если посмотреть на причины катастрофического исчезновения многих видов живого, то это вовсе не охота, а техногенные факторы разрушения живых систем. Потеря экологических местообитаний – это источник множества проблем, многие из которых еще даже не осознаны. Разумеется, «натуральная» охота должна обязательно контролироваться, чтобы не наносить вреда природе. Например, браконьерство, это преступление, а не охота. Но даже если запретить легальные способы, остается вопрос, кто сможет, и самое главное, кто будет контролировать нелегальную «охоту»? Впервые регулировать и массово запрещать добычу редких видов животных начали в XX в. Нормативные ограничения изменили статус многих животных, они перестали быть «охотничьими» видами, находятся под легальной охраной, а нарушение запрета карается по закону.

Рассмотрим ещё одну «проглоченную» в современном мире форму обыденного насилия.

Не современная «высокотехнологичная» охота, а забой домашних животных вызывает содрогание у любого психически нормального человека. И хотя биологи не доказали, а полагают по умолчанию, что некоторые животные, и конечно, растения не чувствуют боли, страдание млекопитающих, судя по их предсмертным крикам, не вызывает сомнений. Но охота – это все-таки не живодерня, где ощипывают, снимают шкуру с ещё с не убитых животных. В современных агрохолдингах, животных не выпускают наружу и от этого они страдают и болеют, меняется вкус продуктов, многие из которых становятся опасными для потребления. Но не в интересах бизнеса проводить расследования. Между тем, в традициях охоты вписаны гуманные способы добычи. Хотя это не оправдывает лишение живого существа жизни, но не никоим образом не вносит в охоту элементы садизма.

Ситуация с правами животных ещё более неоднозначная. Есть ли у них то, что нужно защищать, имеют ли они собственность, хотят ли они свободы, какие права мы хотим дать, нужны ли они им? Скорее всего, речь идет о регуляции наших отношений с животными. Но прежде всего необходимо разобраться, о каких животных идёт речь, кто из них друзья, а кто – враги. Очевидно, что в защите нуждаются домашние питомцы, а также исчезающие виды животных. А как быть с опасными хищниками, а, главное, с микроорганизмами, вызывающими болезни? Задача философии на данном этапе обсуждения прав животных, которые могли бы быть включены в общую теорию права, состоит не только в прояснении специфики животного, но и в реконструкции его образа в современной культуре. Необходимо обсудить, как мыслится их сходство и отличие, как подсоединить миры, **гармонизировать взаимоотношения** животных и людей друг к другу. Только после этого можно формулировать правовые нормы, юридические и моральные форматы, вводить иные общественные способы регулирующие правоотношения.

Хайдеггер считал, что телесное сходство с животным непостижимо. Животное живёт, человек экзистенцирует. В «Письме о гуманизме» он писал, что животные приспособлены к окружающей среде, а человек дистанцируется от неё, он живёт в мире. Животное не просто другое, а чужое. Оно повинует инстинктам, замкнуто в среду обитания. Наоборот, человек открыт миру, он есть сосед бытия [\[4, с. 208\]](#). Дж. Агамбен расценил эту дифференциацию как репрессивную: поскольку у животного нет никаких человеческих качеств, и они не способны страдать, то с ними можно не церемониться [\[10\]](#). Бесспорно, люди видят животных, и других космических актантов иначе, чем они даны сами себе.

Согласно мировоззрению примитивных людей, душа есть не только у людей, но и у животных, растений и даже камней. Отсюда, все они являются личностями. Если у них есть внутренний мир, нечто вроде сознания, туда могут проникать специфически одаренные «специалисты по связям с общественностью» – шаманы. Можно сказать, что раньше шаманом был каждый, поскольку в основе шаманизма – договор с пространством через посредников-духов. Сохраняя человеческий статус, шаманы осуществляют диалог с природными и божественными существами. Шаманизм – специфическая духовная практика, позволяющая преодолеть телесные границы, приникать к духу нечеловеческих существ, договариваться с человеческими душами, и возвращаться к себе, так чтобы настроить нужные отношения нелюдей с людьми. Отметим еще, что шаманизм сегодня очень популярен в современной социальной среде города. Отсюда популярность работ бразильских антропологов.

Если дискуссии свободной общественности на Западе строятся на основе мультикультурализма, то космическую политику индейского шаманского перспективизма

Вивейруш де Кастру охарактеризовал как «мультикультурализм» ^[11]. Предложение искать гуманизм «по ту сторону человека» выглядит не просто экстравагантным, провоцирующим отказ от европоцентризма. Сегодня «новая архаика» в политике превращается в экстремизм, сопровождающийся разрушением культурных памятников. «Со-осность» развития природы и общества более адекватно и обстоятельно представлена в теории биосферы и этногенеза, которая была разработана географом Л.Н. Гумилевым ^[12]. По его мнению, если этнос не справлялся с «пространственной» задачей сохранения территории обитания, то он либо исчезал, либо становился слугой других более пассионарных соседей. С точки зрения здравого смысла следует более осторожно оценивать социально-культурный статус охотника. Он не является инкарнацией мирового зла, убийцей, реликтом кровожадного дикаря, употребляющего в пищу мясо не только животных, но и людей.

Будущее охоты в сохранении человека.

При надлежащем контроле и сегодня охота остается занятием необходимым для восстановления природы. Следует признать, что охотник как тип человека существенно изменился. На виду далеко не бедные и не голодные люди, вооруженные совершенным стрелковым оружием, приборами ночного видения, транспортными механизмами и т.п., удовлетворяют свою не безупречную страсть. Но остались и настоящие егеря, способные регулировать количество опасных животных, например, волков. Глобализирующемуся человечеству охота не нужна, но подъем этнического самосознания, возрождение национальных традиций, обычаев, культур так или иначе заставляет задуматься о смысле и назначении охоты как цивилизационной практики, формирующей особый тип человека. Подлинный смысл охоты прячется за фасадом фотографии счастливого охотника на фоне выдающегося трофея, здесь доминирует персональное желание быть отличным от Другого. Поэтому защитники прав животных успешно завоевывают симпатии большинства, предъявляя визуальные изображения хорошо экипированного человека рядом с безжизненной жертвой.

Опасность утраты биоразнообразия, буквальное засилье инвазивных агрессивных к среде и местным обитателям видов и животных – это проблема не только для биологов. Парадоксальным, и не самым лучшим образом, на заданный вопрос решают радикально настроенные защитники прав животных. Их акции – это тоже охота, только не за животными, а за охотниками. Почему же в современном мире насчитываются десятки миллионов охотников? Каждый охотник-любитель может оценить, что его персонально привлекает в охоте, зачем она нужна. Охота предстает спасением от замкнутой, однообразной жизни, трудно переносимой даже в роскошных особняках, где уникальное растворяется в стандартном, а приватное – в общем. Популярный слоган охотничьих журналов: «Охота – моя страсть к общению с природой!». Действительно – охота позволяет стряхнуть с себя рутинное и привычное, проверить себя в экстремальных условиях, в конце концов, убежать от массовой трансляции медийного апокалипсиса. Потаенная истина охоты обнаруживается в эмоциональных переживаниях, в состояниях аффекта. На границе жизни и смерти, любви и ненависти, тревоги и счастья, одиночества и единства начинает вибрировать встроенный в каждого, но не действующий у многих, код охоты.

Охота – занятие простое в своей сути: увидел, подкрался, добыл. В случае неудачи предпринимай следующую попытку. В этой кажущейся простоте квинтэссенция жизни и смерти, борьбы нового со старым, смена отжившего вновь появившимся. Охота – это агрессия и экспансия, как неотъемлемые свойства живого. Охота – орудие, а охотник –

инструмент эволюции! Охотник как субъект маркировал своим знанием территорию, инвестировал в неё энергию своих эмоций, независимо от того, был ли это страх, преодолеваемый в охоте на опасного зверя, или тихая радость постоянного узнавания нового в природе. Оценка охоты с позиций биологического детерминизма, приемлема в том случае, если окружающая среда более или менее постоянна. В этом случае на первое место выходит способность успешно конкурировать с другими организмами в условиях ограниченных ресурсов. Но где у нас сегодня сохранились такие территории и этнические группы, которые зависят от того, что добудут и съедят?

Ухмылка глобализации, состоит в том, что все должны питаться из супермаркетов и вести цивилизованный образ жизни. Иными словами, это следствие, той внутренней борьбы в человеке, которая непримиримо ведется между светлыми идеалами, к которым относится безусловная ценность любой формы жизни, и желанием истребить, если не в буквальном, то символическом формате – охотника как своего оппонента. Как же тогда быть с армиями охотников в Европе и США? Их обвиняют в жестокости, а экстремисты подпиливают охотничьи вышки, на которых охотники поджидают вышедших на вечерний пищевой променад кабанов и оленей. Потеплевшей Европе не нужны меха, а постсоветское правление в нашей стране окончательно истребило традицию промысловой охоты, обрекая на тотальное браконьерство северян и сибиряков. В дискурсах зоозащитников путаются человеческие нормы морали, права на свободу и жизнь со спекулятивными рассуждениями и переносами человеческих представлений на животных [\[13\]](#). Что же посоветуют защитники прав животных жителям Чукотки, вынужденным выживать после срыва завоз продовольствия?

Жители Анадыря, может, и не будут замерзать от нехватки угля, но их коллективное мнение по отношению к охоте будет отличаться от политкорректности жителей Берлина или Гааги. Негодование защитников животных может быть вполне правомерно относительно состоятельных людей, увлекающихся охотой, по причине скуки от своей изумительной жизни. Им важна исключительно брендированная часть этого занятия. Десятки, а чаще сотни тысяч долларов стоит организация охоты на достаточно редкого козерога или барана. Сложился круг людей, способный оценить крутизну такого занятия. Об их удачных подвигах пишут в специализированных изданиях, а фотографии черепа и рогов убитых животных размещаются на страницах дорогих иллюстрированных журналов. Нужно ли это обществу, но какому и насколько?

В обществе модерна охота становится либо спортом, либо формой отдыха и экстремального туризма. В не тронутых цивилизацией местах люди живут с совершенно иной «пропиской», нежели заезжие охотники-туристы, которые садятся на моторизованное средство передвижения, догоняют любое быстробегущее животное, расстреливают его с безопасного расстояния, а затем фотографируются на фоне окровавленной туши, чтобы выложить снимок в Интернете. Все это делает протесты защитников прав животных морально безупречными. И все же нельзя забывать, что разговор человека и природы происходит не только на языке морали, который нередко оборачивается ресентиментом. Охотники-трофейщики со своими интересами быть круче всех и выше всех, и не только среди покорителей горных вершин, но и на «монбланах» трофейных рейтингов, как говорил Герцен, страшно далеки от народа. Читая развернутые репортажи, и оглядывая слегка изнуренные ухоженные лица конкретно небедных людей, оторвавших свои чресла от офисных кресел, совершенно четко понимаешь, что «подтягивает» их в горы. Разговоры о том, что трофейная охота помогает сохранению природы, содержат изрядную долю лукавства. Примеры, когда удачливый охотник отдает добычу жителям близлежащей деревни, способен разок-

другой накормить их до отвала мясом, и даже поддержать долларами, потраченными на подарки аборигенам, лишь демонстрируют утрату изначального назначения охоты. Точно также попытки реинтродукции тех видов, которые когда-то были и исчезли, представляют эксклюзивный интерес в основном для их организаторов и идеологов. Это всегда пиар, и нетрудно предугадать отрицательный отклик любого здравомыслящего человека. Проблема в том, что охота перестает быть нужной, срок ее существования в истинном облике промысла и средства выживания человека подошел к концу.

Старый слоган «Охота – древнейшее занятие человечества!». уже видится как эпитафия на бронзовой дощечке надгробия людям, призывавших к сохранению природных традиций и умений человека. Возникает вопрос, в какой форме «ген», «инстинкт» или «паттерн» охоты реализуется в современном постсеклярном и постгуманистическом мире? Первое, что приходит на ум, потребность в развлечениях, причем в экстремальных формах. Но если спросить любителя охоты, зачем он идет в лес, сидит в засаде, а потом продрогший пытается разжечь костер из сырых веток, то для красного словца он ответит, что из города его тянет на природу, а, скорее всего, промолчит, так как сам не знает, что в результате находит. Наверное, дает знать себя глубоко заложенный в душу человека код охоты и собирательства, который заставляет покинуть комфортабельное жилье и пуститься по следу на поиски добычи. Так что глубинная цель охоты несколько иная, нежели сделать селфи на фоне убитого животного. Вписанное в нас действие кода тянет человека к природе, к той простоте ощущения пространства, к костру и жизни, где места хватает всем.

Охота сохраняется в современном обществе, и это непреложный факт: «в 2006 году более 87 000 000 американцев в возрасте от 16 лет, что составляет 38% населения страны, занимались рыбалкой, охотой или экологическим туризмом. Их затраты на осуществление своих целей составили 120,1 млрд. долларов, что соответствует 1% валового национального дохода США» ^[14]. А лучше вспомним собственную историю и литературу: экзистенциальный смысл охоты был хорошо представлен в великой русской литературе И.С. Тургеневым, И.А. Буниным, С.Т. Аксаковым, М.М. Пришвиным, В. К. Арсеньевым и др. Более того, охота популярна в народе даже если подается в комедийном формате, о чем можно судить по популярности фильма «Особенности национальной охоты», он всё ещё живет в сознании современного человека. Смешно и грустно, смущает обилие спиртных напитков, но очевидно, что герои фильма собрались на охоту не ради вина. И если в целом этот фильм обнажает «вредные привычки» городской цивилизации, как и отражает их стремление очиститься в форме забавляющего «бытия-в-природе», то миллионы роликов в ютубе посвящены красоте природы, как видят их охотники.

Есть и культовые фильмы (например, серия «Счастливые люди» Михаила Тарковского), такие популярны среди людей, которые знают не понаслышке суровую охотничью жизнь. Таким людям важна Родина, о которой частенько стали забывать в больших городах. Человек, добравшийся до поляны любовных встреч глухарей, до перелета уток, может взять в руки не ружье, а бинокль или фотоаппарат. Главным для современного охотника-любителя нередко является встреча даже не с животным, а с человеком, воспринимающим вибрации, которые заглушает шум больших городов. Охота позволяет каждому встретиться с природным пространством и сделать такой контакт незабываемым, наяву, а не быть человеку растворившимся в равнодушии социума или вытесненным в галактику Интернета.

Библиография

1. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга. 1991. 449 с.
2. Шмитт К. Номос Земли. В праве народов Jus Publicum Europaeum / пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца под ред. Д. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип – СПб.: Machina, 2003. 562 с.
4. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие (статьи и выступления). М.: Республика, 1993. С. 208 – 447.
5. Леви-Брюль М. Первобытное мышление. – М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 130-140.
6. Латур Б. Политики природы / пер. с фр. Е. Блинов. М.: «Ad Marginem». 2017. 336 с.
7. Велихов Е.П., Зинченко В.П., Лекторский В.А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. 1988. № 11. С. 3-30.
8. Лоренц К. Агрессия, или Так называемое зло. М.: АСТ, 1983. 350 с.
9. Гиренко Н. М. Морфология, идеология насилия и стратегии выживания // Антропология насилия. Ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков СПб.: Наука, 2001. С. 98 -103.
10. Агамбен Дж. Открытое: Человек и животное. – М.: РГГУ, 2012. 112 с.
11. Эдуарду Вивейруша де Кастру Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / пер. Кралечкин Д. Ю. «Ад Маргинем Пресс», 2017. 326 с.
12. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Лениздат. 1989. 496 с.
13. Тимофеева О.В. История животных. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 208 с.
14. Hunting in the U.S.-statistics & facts // <https://www.statista.com/topics/1161/hunting-and-wildlife-viewing/#dossierKeyfigures> (дата обращения 12.03.2022).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предложенная на рецензирование статья поднимает довольно любопытную в научном плане проблему: охота – это древнейший вид человеческой деятельности, поэтому вполне закономерно, что он подвергается в процессе своего развития «антропологическому кодированию», на что, собственно, автор статьи и обращает свое и наше внимание. Полагаю, что выбранный аспект может обладать эвристической ценностью, однако все будет зависеть от того, насколько автору удастся предложить новый взгляд на проблему, не являющуюся, строго говоря, новой.

Обратимся к содержанию работы. В ней прежде всего обращает на себя внимание четкая структурированность – автор начинает с постановки проблемы. Вместе с тем хотелось бы узнать, в чем автору видится актуальность выбранного направления исследования, какую научную цель он ставит перед собой, какого методологического вектора в раскрытии темы придерживается. Собственно, и формулировки «проблемы» в самом начале статьи выглядят уж очень расплывчато – совершенно не понятно, все-таки в каком ключе автор будет рассматривать проблему. Здесь мы видим мозаику обрывочных тезисов: упоминается глобализация (не ясно, для чего), национальное сознание (что это такое?), влияние окружающей среды на человека, «разметка биосферы» и т.д. и т.п. Важно, чтобы была цельность повествования и чтобы автор придерживался четкой логики в своем исследовании – пока этого мы в работе не наблюдаем, к сожалению. В самом конце раздела «Проблема» автор попытался

сформулировать саму суть проблемы в виде постановки ряда вопросов, однако эти вопросы никак не помогают нам понять целесообразность проведения заявленного исследования. Нужны четкие и понятные формулировки – по делу, а не просто так, чтобы поразмышлять на общую тему.

Неожиданным образом уже в следующем разделе появляется ковид. Считаю, что авторы злоупотребляют данной тематикой, если не намерены развивать ее каким-либо прицельным образом в своей работе. Излишнее внимание к ковиду еще не объясняет необходимость изучения тех или иных антропологических или каких угодно иных кодов. А судя по всему, для автора статьи этот момент является принципиальным, однако, как мне кажется, это совсем не так. Ковид даже персонализируется – автор пишет слово с большой буквы, тем самым включает данное явление в базисы человеческого бытия. Но никаким базисом он не является – это социальная данность. А где же охота – предмет исследования? А ее как будто здесь и нет – автор придерживается неупорядоченного стиля изложения своих мыслей настолько, что совершенно невозможно понять его логику: что за чем следует и что является в таком случае первопричиной. Увы, признать состоятельность столь мозаичного труда довольно сложно, если вообще возможно.

Между тем автор в своей работе делает акцент и на выяснении отношений культуры и природы – также не ясно, какой методологии и логики придерживается исследователь. Так, например, если бы автор апеллировал к культурфилософскому подходу, то он бы обратил внимание на тот факт, что охота как часть культуры представляет собой соответствующую культурную универсалию, если же избирается социально-антропологический вектор исследования, то в этом случае важно показать взаимоотношения социальных групп и данного вида действий и т.д. Из представленного автором материала невозможно понять, каких же рамок исследования он придерживается, и на какие итоговые результаты в таком случае мы можем рассчитывать.

Местами хромает оформление ссылок – они не носят единообразного характера (например: {6, с. 306-307}). Названия разделов статьи также вызывают вопросы – в частности основной вопрос: как такие названия укладываются в логику исследования? К сожалению, понять этого нам не суждено, а автор нам в этом не помощник.

Во многих местах текста мы встречаемся со спорными утверждениями. Во пример: «Отмена смертной казни, борьба с ядерной угрозой, победа над массовыми инфекционными болезнями, помощь бедным и другие важные достижения доказывают наличие не только технического, но и нравственного прогресса». Ведь очевидно, что автор здесь подменяет один тип прогресса нравственным, а выглядит это чрезвычайно не убедительно.

Статья не производит впечатления цельной завершенной работы. Автору надлежит взвесить все возможности ее дальнейшей доработки, хотя это будет сделать крайне сложно.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой в целом удачный опыт знакомства читателя с культурологическими аспектами охоты как феномена человеческой жизни. Статья написана доступным языком, автору удаётся привести значимые аргументы, которые позволяют усомниться в правомерности «тотальной критики» охоты в современном мире

«либеральных ценностей». Более того, в некоторых фрагментах стиль автора приобретает даже достоинства художественной речи, что в ещё большей степени, чем собственно логическая аргументация, способствует привлечению внимания читателей и продолжению дискуссии на эту тему. Основную идею автора можно передать лаконично: охота – это «человеческое, слишком человеческое», и мы никогда не сможем отказаться от неё, другое дело, что в различных культурах и в различных частях современного мира она может приобретать новые и даже неожиданные формы. Странно в этой связи, что автор прошёл мимо замечательных примеров русской культуры, в которой охота получила глубокое переосмысление (вспомним хотя бы И.С. Тургенева, И.А. Бунина, М.М. Пришвина), и эти образы сегодня сразу возникают в сознании, когда мы начинаем размышлять о месте охоты в мире человека. Однако в статье остались и положения ошибочные или, как минимум, спорные, и автор должен определиться – отстаивать ли их, предлагая новые аргументы, или изъять из текста. Остановимся хотя бы на нескольких таких положениях. Например, непонятно сравнение охоты как феномена человеческой жизни с «охотой» животных (как раз с учётом исходных установок автора): «Но охота не является исключительно человеческим занятием. Многие животные способны долго и терпеливо выслеживать жертву, догонять и убивать её». Нет, охота человека – нечто совсем иное, и сам же автор это удачно показывает в статье. Прочитаем также следующее место: «Если либеральные мыслители исходят из того, что человек по природе добр, т.е. является альтруистом, то консерваторы обращают внимание на его эгоизм». Приходится констатировать, что автор здесь явно смешивает два разных «основания деления», если говорить языком формальной логики: различные истолкования «природы человека» – это одно, а вот противоположность либерализма и консерватизма – нечто совсем другое. Я намеренно использовал здесь кавычки, поскольку сам автор в тексте явно некритически использует выражение «природа человека», например: «только геном человека в целом определяет природу человека...». Нет, если геном и определяет, то только «физическую природу», о «природе человека» следует выражаться осторожнее, если вообще допустимо ещё использовать это понятие (вспомним его критику от Паскаля до Маркса). Встречаются и высказывания, которые, должен признаться, вообще трудно понять, например: «Говоря об искоренении насилия, необходимо дистанцироваться от морали. Ее абсолютизация приводит к деградации институтов общества». Что имел ввиду автор? Подобные высказывания нуждаются в разъяснениях и очень серьёзной аргументации. Помимо подобных концептуальных трудностей в статье осталось немало и различного «технического брака», например: «в ходе дискуссии Толстого и Ильина...» (почему эти мыслители не удостоились упоминания инициалов, если рядом менее известный автор (Н.М. Гиренко) – удостоился?); «сегодня защитники прав животных, выступают...» (зачем запятая?); «против причинения страдания животных...» (животным?); «морально-обличительные речи, или принимая участие в...» (выражение, недопустимое для научной речи со стилистической точки зрения, да и запятая не требуется); «натуральная целостность национального сознания» («естественная»?); «не только ландшафт, климат, биосфера, но и естественная окружающая среда человека» (логически некорректная конструкция, в действительности здесь нет противопоставления); «...либо горами и реками, или другими труднопроходимыми или...» (выбрать между «либо» и «или»); «различных форм формирования...»; «способностей, способствующих приспособлению...» (один и тот же корень повторяется трижды!); «сохранившиеся у некоторых людей охотничьи инстинкты» (не следует забывать, что психологи считают неприемлемым использовать «инстинкт» в отношении поведения человека); «романтических экзистенциалистов» (неясное, а потому и неудачное выражение); «не приемлемым по сегодняшним меркам, занятием» (следовало написать слитно, запятая лишняя); «в

случае неудачи, делай следующее попытку» (снова лишняя запятая и «предпринимай» вместо «делай»); «подсоединить биологическое и социальное...» (только не «подсоединить»); «в «ветхозаветном» договоре...» («завет» – уже «договор») и т.д., и т.п. Разумеется, публиковать такой текст в научном журнале преждевременно, автору следует продолжить работу над ним. Тем не менее, в целом статья способна вызвать интерес читателей, после устранения отмеченных недостатков она может быть опубликована. Рекомендую отправить статью на доработку.

Замечания главного редактора от 19.03.2022: "Автор в полной мере учел замечания рецензентов и исправил статью. Доработанная статья рекомендуется к публикации"